

07.00.00 Historical sciences and archaeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 93

**‘Hot’ Memory of Peoples from South Russia:
What Kind of the Past is needed to Modern Society of Russia?***

Tatyana P. Khlynina

Southern Scientific Centre of RAS
41 Chekhova Pr., Rostov-on-Don, Russia, 344006
Dr. (History)
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article is concerned with issues of historic memory actualization in the south of Russia, links between now and the past, research conducted by the scientific community, wide public and government bodies, bringing up the issue of ‘convenient history’.

Keywords: historic memory; history; politics; educative practice; South of Russia; professional community; the past actualization mechanisms.

«Беспокойное прошлое». Вокруг вопроса о том, какое прошлое необходимо современному российскому обществу, сломан не один десяток копий. Профессиональные историки, официальная власть и широкая общественность не раз обсуждали проблемы, связанные с травмирующим воздействием истории на сознание наших соотечественников. Пожалуй, впервые в своей новейшей истории Россия оказалась не только без внятного будущего, но и общего прошлого, превратившегося в арену ожесточенного идейного противоборства. Его накал уже вызвал к жизни президентскую «Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» и все еще тлеющий скандал вокруг вузовского учебника А.И. Вдовина, А.С. Барсенкова «История России. 1917–2009», где, по заключению ряда экспертов, *«нарушена историческая справедливость в отношении прошлого отдельных народов нашей страны»*. Реакцией Академии наук и Министерства образования Чеченской Республики на тиражирование в учебнике *«фальсифицированных данных об участии чеченского народа в Великой Отечественной войне»* стало требование *«предварительного вычитывания всех методических материалов по истории России»*. Необходимость столь жесткой меры обосновывалась *«невозможностью допустить учебники, в которых искажаются факты и пишется, что в истории Чечни был только терроризм»*. Подобное экспертное нововведение уже вызвало протестные отклики представителей профессионального сообщества, выразившего недоумение посторонним вмешательством в исследовательскую деятельность историков [1].

На юге страны последним отголоском позиционных боев «за правильное толкование прошлого» стали события вокруг мемориального комплекса Змиевской балки, свидетельствующие о его все еще опаляющем воздействии на общественное сознание. Протест еврейской общины вызвало решение ростовской администрации переместить памятную доску с упоминанием о «самом крупном в России мемориале

* Работа выполнена в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

Холокоста» вглубь комплекса. 9 мая 1975 г. в Змиёвской балке был открыт мемориал, являвшийся фактически братской могилой, жертвам нацизма – советским гражданам, расстрелянным в августе 1942 г. Вопрос об их национальной принадлежности вплоть до 2004 г., по крайней мере, официально, не поднимался. Памятная доска, просуществовавшая до 1992 г. и исчезнувшая в горниле «перестроечного беспредела», содержала нейтральную надпись о массовой гибели 27 тыс. мирных советских граждан. В 1990-е гг. мемориал пришел в плачевное состояние и фактически оказался бесхозным. В 2004 г. по инициативе еврейской общины на мемориальном комплексе была установлена памятная доска со ставшей впоследствии «скандальной» надписью: *«11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста»*. По свидетельству бывшего сотрудника мемориального комплекса и разработчика его обновленного проекта, ее трижды срывали и покрывали знаками фашистской свастики [2]. В 2005 г. мемориал перешел на баланс города, а в 2006 г. начались его ремонтно-восстановительные работы. 29 ноября 2011 г. городские власти заменили мемориальную доску, на которой теперь значится: *«Здесь в Змиевской балке в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей. Змиёвская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками советских граждан в период Великой Отечественной войны»*.

Разгоревшиеся споры вокруг «национальной» принадлежности городского «места памяти» вновь артикулировали проблему присвоения общего прошлого, в пространстве которого все чаще сталкиваются его взаимоисключающие образы. Так, в данном конкретном случае, городские власти руководствовались исключительно «буквой закона»: *«Главную табличку мемориала заменили, когда приводили в порядок документы. Чтобы придать памятнику статус регионального значения, исходили еще из советской проектной документации, где ничего не говорилось о Холокосте»*. Еврейские общественные организации, в свою очередь, обеспокоены исчезновением «национальной принадлежности» жертв нацистского террора: *«В траурном зале, который находится на территории Змиевской балки, два года назад организовали небольшой музей, посвященный жертвам фашизма. Недавно экспозицию пополнил новый экспонат – та самая табличка, которая висела на входе в мемориальный комплекс. Узнать о том, что это территория самого крупного в России мемориала Холокоста, можно лишь в те часы, когда музей работает – с девяти утра до четырех дня»*. А патриотически настроенная городская общественность опасается роста межнациональной напряженности: *«Вот вы представьте себе, что если мы сейчас начнем выделять какую-либо нацию. Люди скажут, что мы разжигаем межнациональную рознь, любая символика, там размещенная самостоятельно, вызовет межнациональное противоречие»* [3].

Пристальный интерес к истории народов юга России, вернее, ее «правильной версии», породил целые «историографические войны», в эпицентре которых оказались не высокие идеалы исторической науки, а «неприемлемые» взгляды оппонентов. При этом экспертами исследований в области прошлого все чаще оказываются «массмедийные лица», заложником эмоциональной риторики которых становится неискушенный читатель. Развернувшаяся на страницах одной из республиканских газет полемика относительно «научной сомнительности сочинений» довольно известного в регионе кавказоведа является наглядным свидетельством вырабатывающихся на наших глазах практик формирования «удобного» прошлого. Отмечая пагубный характер его «изысканий», некорректно названных «смесью псевдоистории, истерии и фанатерии», авторы (журналист и известный общественно-политический деятель) подчеркивают:

«По “факту” мы имеем дело с сочинением, объективно рекомендованным для “просвещения” молодого русского поколения в вузах Кубани в духе войны “русских” против “горцев”, воспитания предубеждения и ненависти русскоязычного населения региона к своим горским соседям, формирования расистского комплекса “белого человека” и алармистско-воинственных настроений в российском обществе в целом. Все это требует своего противодействия, ибо подобные псевдоисторические “экзерсисы” объективно служат катализатором настроений, направленных на отторжение национальных регионов от России. Такой подход вдвойне опасен для собственно горских народов Кавказа, вопреки всем колониальным издержкам прошлого нашедшим свое место в многонациональном русском государстве и жертвующим сегодня кровью своих сограждан в необъявленной войне против террористически-сепаратистского интернационала» [4].

Едва ли использованная практика изобличения «профессиональной близорукости» будет способствовать «умиротворению региона». Однако наряду с иными механизмами разоблачения «неудобного» прошлого она является неоспоримым доказательством рождающегося на наших глазах проекта «безопасного прошлого», основными создателями которого выступают уже не профессиональные историки, а наиболее влиятельные политики, общественные деятели и представители творческой интеллигенции.

Прошлое в настоящем: механизмы взаимодействия. Повинна ли в складывающемся положении дел реальная история? Пытаясь ответить на этот вопрос, выдающийся испанский мыслитель XX в. Х. Ортега-и-Гассет в безбрежном океане беспокойной памяти выделил два острова: историческое и относительное прошлое. Одно из них уже отсутствует, скрываясь за горизонтом, другое – активно переживается в виде не погребенных останков солдат последней войны или нелегитимно отобранных территорий.

Отношения истории (исторической памяти) и современности могут иметь разное измерение. Одним из таких измерений выступают предложенные французским историком П. Нора «места памяти». «Места памяти» – «это красивое выражение, ставшее золотой жилой, находкой, благодаря его способности удовлетворить потребности коллективных переживаний»; это «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени, превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [5]. Для народов Северного Кавказа ими на сегодняшний день оказываются: Кавказская война и ее последствия; мухаджирство и вызванная им трагедия адыгского этноса; депортация народов Северного Кавказа; советская национальная политика и репрессии 1920–1930-х гг. По характеру и силе воздействия на современное развитие народов Юга России «память о прошлом» (в основном концентрируемая в «местах памяти») условно подразделяется на ту, которая постоянно присутствует в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя, и ту, которая действует избирательно, актуализируясь только при определенных обстоятельствах. Общества с первым типом воздействия памяти являются «горячими». Общества со вторым типом воздействия памяти относятся к «холодным».

На сегодняшний день взаимоотношения, складывающиеся между историей и политикой, уже не представляются столь однозначными и не могут быть сведены к известной формуле о том, что «история есть ничто иное как опрокинутая в прошлое политика». Существующие между ними связи гораздо глубже и могут быть представлены двумя исследовательскими парадигмами, несущими различную логику разработки конкретных сюжетов. В одной из них социально-исторический контекст задает рамки интерпретации политической реальности. В другой, – политический контекст диктует прочтение исторических реалий [6]. Впрочем, на практике их

проявления трудно разграничиваемы. Тесное переплетение прошлого и настоящего, манипулирование историей для решения текущих политических задач наиболее характерно для кризисных периодов развития общества. Пик напряженности на Юге России пришелся на 1990-е гг. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов стала историческая память с ее весьма болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям [7].

Так, по наблюдениям современного исследователя, именно фактор депортации сообщил *«этносоциальному опыту балкарцев новейшего времени элемент исключительности, который не мог не оказать в дальнейшем глубокое и долгосрочное воздействие на все этнополитическое развитие... С принятием Закона о реабилитации репрессированных народов в сознании и политической практике балкарской национальной элиты происходит полное отождествление понятия “реабилитация” с понятием “политическое самоопределение балкарского народа”, а набор требований о выполнении этого закона совпал с программой суверенизации Балкарии (а значит, соответственно, Кабарды) и “федерализации” республики»* [8].

В свою очередь, период активного противостояния власти и действующей оппозиции в Карачаево-Черкесии, который пришелся на 2000–2003 гг., был отмечен начавшейся *«мифологизацией истории, удревнением этносов, искажением исторических фактов в интересах тех или иных народов в политических целях – обоснования своего древнего права на земли, на государственность»* [9]. Показательным примером вторжения политики в область прошлого и его активизации являются ведущиеся уже не один год в Адыгее споры о дате основания ее столицы – города Майкопа. Официальная дата, не только нашедшая отражение в целом ряде публикаций, но и закреплённая в Уставе муниципального образования «Город Майкоп», связывает его основание с созданием на данном месте русской военной крепости в мае 1857 г. Однако представители адыгских общественных организаций считают, что празднование указанной даты закрепляет результаты «колониальной войны» и оскорбляет чувства коренного населения – *«потомков черкесов, подвергшихся геноциду с конца XVIII до начала XX вв.»* [10].

По заключению исследователей, механизмы запуска программ исторической памяти не линейны, а их пики приходятся на периоды нестабильности в развитии общества. При этом актуализация прошлого достигается вбросом исторического события в современность; вбросом современных событий в исторический контекст; дегероизацией прошлого [11].

«Массистория», искусство забвения и мифотворчество. Спасительным выходом из ситуации перманентной угрозы «войн памяти» становится массистория как конвенциональная практика выработки общего прошлого, в пространстве которого потомки великих Чингизидов и крепостных крестьян чувствовали бы себя уютно. К этой идее на минувшем Форуме народов Юга России обратился глава российского правительства В.В. Путин, подчеркнувший назревшую необходимость выработки такого *«понимания единства исторического процесса, в котором представитель каждого этноса, так же как и потомок “красного комиссара” или “белого офицера”, видел бы свое место. Ощущал бы себя наследником “одной для всех” – противоречивой, трагической, но великой истории России»* [12]. Одним из воплощений этих идей стал проект «исторического забвения» или «счастливой памяти», связанный с созданием принципиально новой системы современного исторического образования. По замыслу его разработчиков, острейшей проблемой, стоящей перед государством, остается проблема формирования гражданской идентичности у первого поколения россиян. Однако в российской школе не просто отсутствуют какие бы то ни было внятные усилия, предпринимаемые в этом направлении, но и нередко наличествуют «абсолютно

деструктивные практики», усиливаемые разрывов исторической памяти поколений. В этой ситуации проект концепции новой истории исходит из необходимости изменения цели преподавания истории в школе. Вместо памяти о ней предлагается «поминающее забвение», смысл которого сводится к тому, что *«изучение истории в школе в определенный период жизни молодого человека избавляет его или ее от необходимости оглядываться назад. От необходимости ставить вопрос о вине родителей, вине предков и вине нации»* [13]. Интериоризированная история, навязанная, по мнению сторонников «понимающего забвения», современной школе, превращает историю в общенациональную драму с кровоточащей памятью о прошлом и коллективной ответственностью за него ныне живущих поколений. Однако прошлое не может быть тяжким грузом, а должно стать точкой опоры национального самосознания, для которого победа в последней войне окажется *«священным камнем веры, опорой национальной памяти, преемственности поколений и некой гарантией на будущее»* [14].

В процессе недавнего обсуждения функциональной пригодности старо-нового мифа о войне была высказана весьма любопытная точка зрения о продуктивности так называемых креативных или проектных мифов. Один из диспутантов предложил различать каталожные мифы, исходящие из восприятия истории как набора понравившихся картинок, посредством которых можно «соизмерить день сегодняшний и день завтрашний», и проектные (креативные) мифы, воспринимающие исторический процесс в неразрывном единстве прошлого, настоящего и будущего и пытающиеся «разглядеть будущее через призму исторического опыта». Креативному мифу о войне, как свидетельствуют два последних юбилея Победы, удалось стать *«точкой сборки» катастрофически раздробленного, распыленного общества... Несмотря на топорную и примитивную пропагандистскую обработку общественного мнения, именно в День Победы случалась как бы “пересборка” нашего общества, когда из страшного хаоса бессистемно действующих осколков некогда цементированного советского народа вдруг начинало самоорганизовываться в нечто системно-созидательное»* [15]. Отсюда, по мысли автора, вытекает и главная задача мыслителя вообще и историка в частности – заниматься креативным мифотворчеством.

Формированию чувства исторической общности народов юга России препятствуют сложившиеся институты памяти, ее болевые точки и механизмы их актуализации. Однако на сегодняшний день мы сталкиваемся с ситуацией, когда прошлое становится не столько инструментом решения определенных политических задач, сколько залогом стабильного будущего. В этом отношении весьма показательны ведущиеся не один год поиски нового бренда южного макрорегиона, включающие в себя как его рекреационные возможности, так и «великое» прошлое.

В эпоху нанотехнологий и всевозможных инноваций у истории как интеллектуального продукта весьма незавидное будущее. Она не в состоянии обеспечить нового технологического прорыва или бесконфликтного прошлого. Тем не менее, будучи собирательницей и хранительницей разнообразного человеческого опыта она способна врачевать общество от дурных пороков и формировать чувство общей сопричастности к одной судьбе. На Юге России, где в силу сложившихся обстоятельств под сенью российского стяга оказались разные народы с подчас трагической историей, осознание этой общности как нельзя актуально.

Примечания:

1. Чеченские ученые рецензируют учебники по новейшей истории России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://republic.com.ua/article/19720-old.html> (Дата обращения: 6.02.2012).

2. Интервью с Владимиром Ивановичем Афанасенко 6 февраля 2012 г. // Личный архив автора.
3. В Ростове подписали резолюцию по вопросу о Змиевской балке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.afisha.ru/rostov-na-donu/other/1141/>. (Дата обращения: 1.02.2012).
4. Ислам Баудинов, Дукуваха Абдурахманов «Сахиб» Ю. Ю. Клычников, «редактор» Б.В. Виноградов, народы Северного Кавказа, или Кто у нас хищники-рабовладельцы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.grozny-inform.ru (Дата обращения: 3.02.2012).
5. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С.76, 77.
6. Боров А.Х. Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 65.
7. Хлынина Т.П. История, социальная практика и социогуманитарная экспертиза на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т.V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д, 2009. С. 187.
8. Боров А.Х. Указ. соч. С.71, 73.
9. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. С. 279.
10. Там же. С. 293.
11. Дацишина М.В. Актуализация прошлого как инструмент социального управления // Будущее нашего прошлого: Материалы Всероссийской научной конференции, 15–16 июня 2011. М., 2011. С.109.
12. Путин В.В. Россия: национальный вопрос. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://img.nashi.su/nashi.su/admin/data/cache/9/c/88785/w600.jpeg><http://img.nashi.su/nashi.su/admin/data/cache/9/c/88785/w600.jpeg>. (Дата обращения: 23.01.2012).
13. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19 – 20 июня 2008 г. М., 2009. С.51.
14. Там же. С.52.
15. Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. Вып. 18. М., 2006. С.46, 47.

УДК 93

«Горячая» память народов Юга России: какое прошлое необходимо современному российскому обществу?

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам актуализации исторической памяти на юге России, вопросам взаимосвязи прошлого и настоящего, а также поискам научным сообществом, официальной властью и широкой общественностью версии «удобного» прошлого.

Ключевые слова: историческая память; история; политика; образовательная практика; юг России; профессиональное сообщество; механизмы актуализации прошлого.

UDC 329